

«многое соткал в более легком ключе, элегии в шесть футов превратил в две цезуры, воспевал славу в одиннадцатисложниках; часто пел сапфическим размером, редко – стремительным ямбом» (Ер. 9. 16, 3). При этом, он весьма сожалеет о «легкомысленных занятиях молодости», подчеркивая, что «пустая слава поэта может запятнать аскетизм священника» (Ibid.) Тем не менее, очевидно, что именно свой талант поэта и эпистолографа Сидоний считает определяющим и именно эта роль становится стержнем его самопрезентации. По словам С. Мрачек, многочисленные микроколлекции Сидония, сначала распространенные независимо, но позже собранные в единую макроколлекцию, возвели на пьедестал именно его поэтический опыт [9, p. 312].

Таким образом, на примере коллекции писем Сидония Аполлинария мы убеждаемся в том, что письма тщательно отбирались и редактировались, главной целью их публикации становилась самопрезентация автора, следовательно, воспринимать их, как непреднамеренные свидетельства нецелесообразно. Однако поскольку письма отражают личность их создателя и его повседневную жизнь, его эмоции по поводу происходящего, исследователь может обнаружить в них массу важных деталей, помогающих реконструировать образ позднеантичного общества.

1. Кнабе, Г. С. Античное письмо / Г. С. Кнабе // Древо познания – древо жизни. – М. : РГГУ, 2006. – С. 502–525.
2. Литовченко, Е. В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Е. В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород : БелГУ, 2011. – С. 200–203.
3. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер ; пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой. – М. : АСТ ; Астрель, 2011. – 795 с.
4. Bradley, D. R. The Letters of Ruricius (Review: H. Hagendahl: La Correspondance de Ruricius. Pp. 108. Gothenburg: Wettergren & Kerber, 1952) / D. R. Bradley // The Classical Review. – 1954. – 4(34). – P. 268–269.
5. Hanaghan, M. P. Reading Sidonius' Epistles / M. P. Hanaghan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 256 p.
6. Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – 488 p.
7. Mathisen, R. W. Dating the Letters of Sidonius / R. W. Mathisen // New Approaches to Sidonius Apollinaris / ed. by J. A. van Waarden and G. Kelly. – Leuven : Peeters, 2013. – P. 221–248.
8. Mathisen, R. W. The “Publication” of Latin Letter Collections in Late Antiquity / R. W. Mathisen // Zwischen Alltagskommunikation und literarischer Identitätsbildung. Studien zur lateinischen Epistolographie in Spätantike und Frühmittelalter. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2018. – P. 63–84.
9. Mratschek, S. The Letter Collection of Sidonius Apollinaris / S. Mratschek // Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – P. 309–336.
10. Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum. Tomus 8. Sidonius, Faustus, Ruricius / C. Luetjohann and B. Krusch (eds.). – Berlin : Weidmannos, 1887. – 484 p.
11. Zelzer, M. Linien der Traditionen und Editions-geschichte der ambrosianischen Briefe am Beispiel des zehnten Briefbuches und den Briefen extra collectionem / M. Zelzer // Anzeiger der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. – 1980. – Bd. 117. – P. 207–230.

Мирзаев Д.З.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: Центральная Азия, этническая история, древний период, источники, Авеста, китайские тексты, тамга.

История населения Центральной Азии до второго тысячелетия до Р.Х. изучается, как правило, на основе археологического материала, так как письменные источники этого времени остаются пока неизвестными. В конце II тысячелетия до Р.Х. Центральную Азию завоевала общность, которая ассоциируется с индоевропейским этносом, разрушившая древнюю цивилизацию эпохи бронзы, население которой, как считают одни ученые, было пратюркским и дравидским, а другие – было связано с хурритами и

иными народами Передней Азии. Затрудняет понимание этих процессов отсутствие письменных памятников или, возможно, их неатрибутированность [1, с. 51–65]. Гипотетически можно предположить вероятность существования предписьменности в регионе, например, на основе индийской иероглифики.

Все письменные источники, как правило, упоминают региональные общности, союзы племен, племенные территории, межплеменные столкновения. Племенное самосознание Центральной Азии было первоосновой всех идеологических проявлений древней эпохи, а свою особую культурно-историческую функцию дифференциации внутри социума оно сохраняло до воцарения здесь ислама. При современном уровне науки из письменных источников известно, что древнейшими общностями, проживавшими на территории Центральной Азии, являлись бактрийцы, согдийцы, парфяне, хорезмийцы, а также различные другие народы. Наиболее ранние упоминания о них содержатся в греческих письменных источниках и эпиграфических надписях ахеменидских царей, относящихся к VI–V вв. до Р.Х. Так, согласно древнегреческим авторам Геродоту и Страбону, за рекой Араксом – Амударьей живут *массагеты*, которые боролись против считавшего себя арийцем древнеперсидского царя Кира II. По зороастрийскому преданию, свод книг Авесты существовал уже при Ахеменидах и был уничтожен при вторжении Александра Македонского. Имелась версия – что *Заратуштра* жил в Бактрии, что нашло отражение в труде греческого автора Ктесия. Вслед за этой традицией некоторые ученые предполагали, что гаты, наиболее значимая и почитаемая часть Авесты, созданы в Бактрии, а также считали, что ее языком в древности и был авестийский. Интересно то, что в гатах отсутствуют указания на этнические общности. Возможно, они диктовались идеологическими установками [18, с. 76]. Как бы там ни было, Бактрия «с высоко поднятыми знаменами», как она называется, была если не первой, то одной из стран, на территории которой очень рано распространился зороастризм. При использовании Авесты в качестве исторического источника приходится учитывать наличие в ней многих пластов, отражающих различные исторические периоды и даже эпохи, влияние на дошедший до нас текст воззрений и представлений интерпретаторов. При этом даже одни и те же отрывки часто представляют собой сплав разновременных сведений. Несмотря на все эти ограничения, Авеста важнейший и во многом единственный источник для установления древнейшей истории населения Центральной Азии.

Здесь надо особо подчеркнуть неправомерность отождествления понятий «иранское» с «зороастрийским», от чего до сих пор не может отойти большинство исследователей Центральной Азии. Независимо от того, представители каких бы этнических общностей не стояли во главе зарождения зороастризма, манихейства, буддизма или ислама, их адепты не являлись исключительно иранцами или арабами. Также язык письменных памятников, оставленных последователями той или иной религиозной системы, или их имена и титулы не могут быть непременным показателем языковой и этнической принадлежности их создателей. Например, среди тюркского населения Центральной Азии, исповедовавшего зороастризм, были широко распространены иранские имена и титулы, а позднее среди тюрков, сторонников буддизма, иудаизма и христианства, кроме собственных часто встречались также имена буддийского, иудейского и сирийско-христианского происхождения [2, с. 15].

В отличие от завоеваний Александра Македонского, вторжение *юэчжей* во второй половине II в. до Р.Х. изменило этническую картину региона. С этого времени для описания истории Бактрии возрастает значение китайских письменных источников. Первой работой, посвященной истории Китая является произведение китайского отца истории Сыма Цяня, известное под названием *Шицзи* и написанное до 91 г. до Р.Х. После него становится традиционным создание «династийных историй»

– сочинений, посвященных описанию времен правления одной династии. В них, как правило, содержались сведения о Центральной Азии, выделялась отдельная глава «Сообщения о Западном крае», в которой рассказывалось и о странах, и об этнических общностях. В частности, в них упоминаются *юэчжи*, а впоследствии и основанное ими Кушанское царство, *Дася* – Бактрия, *Тухоло* – Тохаристан, *Тами* – Термез. Впервые название Тохаристан появляется в китайском тексте буддийского сочинения *Vibhāsa-śāstra*, относящегося к 383 г., где упоминаются жители страны *Тонк'ю-л* [6, с. 119]. В целом Тохаристан в значительной мере территориально соответствовал древней Бактрии, то есть приграничному региону Амударьи.

По данным китайских источников, *юэчжи* были родственными с хуннами [15, с. 483–484]. Первоначально они обитали в северных районах Центральной Азии и в результате столкновений с хуннами были вынуждены переселиться с востока на запад в районы Северного Приаралья и Прикаспия, где они имели свое государство [16, с. 632–636]. Оттуда эти племена, которые в древнегреческих источниках называются скифами и массагетами, мигрировали на территорию Центральной Азии. В источниках отмечается, что эти племена были родственны с хуннами и говорили на языке, близком к языку хуннов [4, с. 9–10].

Вопросы взаимоотношений этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу наименее исследованных, что обусловлено многими факторами, но прежде всего малочисленностью и дисперсностью дошедших до нас письменных памятников. По данным Сюань Цзана, вся страна между Амударьей и рекой *Суй-е* (Чу) в культурном отношении представляла одно целое. Одежда жителей, письмена и язык везде были одинаковыми [17, с. 54–58]. Как свидетельствуют и армянские источники, «согды, тохары, эфталиты и другие народы *Туркастана* считались тюркскими родами» [13, с. 75]. Они же называются и среди 44 народов страны Скифии, которая простиралась от реки Этиль до Китая [14, с. 63]. Махмуд Кашгари называет *сугдаков*, т.е. согдийцев, «народом, слившимся с тюрками» [8, с. 335–336], представители которого «избегают перемешания с персами и говорят только на двух языках – согдийском и тюркском» [8, с. 65]. Подобный симбиоз наблюдается также на монетах, например, так называемых тюрко-согдийских [12, с. 54–56], или монетах с парным изображением Тохаристана [10, с. 218–224]. Таким образом, письменные и другие источники свидетельствуют о том, что в эпоху перед распространением ислама население Центральной Азии составляли тюрки и в значительной степени ассимилировавшиеся с ними согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы. Но авторы письменных источников древнего периода, как правило, не рассматривали население в качестве единого этнического компонента. В их представлении, например, согдийцы являлись лишь представителями одной небольшой провинции в Центральной Азии.

Завоевания, связанные с распространением ислама, повлияли на этническую ситуацию в Центральной Азии, приведя к сокращению местного населения в результате войн и вынужденному переселению его за пределы Арабского халифата, а также заселению на их место вновь прибывших иммигрантов арабского и персидского происхождения. Миграция из Ирана в Центральную Азию началась еще во второй четверти VII в., когда арабы завоевали Иран, в результате этого часть населения Сасанидской империи переселилась в страны Востока [3, с. 146]. Эти процессы нашли свое отражение в письменных источниках.

Как показывают результаты исследований, кочевые племена, занимавшие огромные просторы Евразии в течение тысячи лет, как правило, были различными этапами исторического развития одних и тех же общностей [17, с. 12] с такой атрибутикой идентичности, как тамга [9, с. 150–155]. В материальной культуре различных эпох: в наскальной живописи, в архитектуре, на статуэтках, на монетах сохра-

нились всевозможные сочетания абстрактных геометрических узоров, знаков и фантастических образов, которые отражают все периоды истории, являя взору исследователя непрерывную смену времен. Но, к сожалению, на настоящий момент нет общепризнанного метода их датировки. Несмотря на это, можно констатировать, что возникновение и развитие такого института, как тамга, связано с отношениями между различными общинами Евразии, складывавшимися на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых были: управление одной династией в большинстве общин; единство ведущих кланов и сохранение права на перемещение воинов из одного региона в другой в рамках единого политического пространства; сопутствующие коммуникации между различными ветвями высших государственных чиновников, возглавляющих отдельные страны; сохраняющаяся этнокультурная близость между местными сообществами, в том числе благодаря единству их правящих слоев.

Аспекты истории этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу малоизученных, что обусловлено многими факторами, в первую очередь малочисленностью и противоречивостью источников. Именно поэтому любые информативные исходные данные приобретают особую ценность. Разбросанность и исключительная сложность материала являются причиной того, что ранее предпринимались лишь единичные попытки изучения и систематизации исходных материалов. Между тем именно системный анализ материала позволяет прояснить многие важные вопросы, связанные с возникновением и развитием той или иной этнической общности.

1. Дюринг-Касперс, Э. Маргиано-бактрийский комплекс и хараппское письмо / Э. Дюринг-Касперс // Вестник древней истории. – 1997. – № 3. – С. 51–65.
2. Камолиддин, Ш. О методах определения этнической принадлежности древних народов по данным письменных источников / Ш. Камолиддин. – Берлин : LAP LAMBERT, 2014.
3. Колесников, А. И. Завоевание Ирана арабами / А. И. Колесников. – М. : Наука, 1982. – 270 с.
4. Извлечения из китайских источников // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент : Фан, 2003. – С. 9–10.
5. Иностранцев, К. А. Хунну и гунны / К. А. Иностранцев. – 2-е изд., доп. – Л. : [б. и.], 1926. – 152 с.
6. Литвинский Б. А. Средневековая культура Тохаристана: в свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. – М. : Наука, 1985. – 264 с.
7. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных / Махмуд ибн Вали. – Ташкент : Фан, 1977. – 166 с.
8. Махмуд Кошгарий. Девону луғоти–турк. Туркий сўзлар девони / Махмуд Кошгарий. – Ташкент : Фан, 1963. – Т. III.
9. Мирзаев, Дж. З. Проблемы изучения и интерпретации тамг в контексте локальной истории / Дж. З. Мирзаев // Культурный ландшафт как объект наследия. – Алматы, 2013. – С. 150–155.
10. Ртвеладзе, Э. В. Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением / Э. В. Ртвеладзе // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 218–224.
11. Смирнова, О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза / О.И. Смирнова. – М. : Наука, 1981. – 548 с.
12. Тер-Мкртичан Л. Х. Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. / Л. Х. Тер-Мкртичан. – М. : Наука, 1985. – 191 с.
13. Тер-Мкртичан, Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. / Л. Х. Тер-Мкртичан. – М. : Наука, 1979. – 100 с.
14. Aytbaev, A. Ancient Sources on “Saka”s on the Great Silk Road / A. Aytbaev // Proceedings of the Nara Symposium for Digital Silk Roads. –Tokyo, 2004. – P. 483–484.
15. Aytbaev, A. Massagetler hakkindaki Eski kaynaklar / A. Aytbaev // Turkler: Yeni Turkiye yayinlari. – Cilt 1. – Ankara, 2002. – S. 632–636.
16. Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l’Inde, depuis l’an 629 jusqu’en 645 / Traduite de chinois par S. Julien. – Paris, 1853. – P. 55–58.
17. Gnoli, G. Zoroaster’s Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Naples : Istituto universitario orientale, 1980. – 279 p.